

УДК 81'42

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРМИНА В ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ*

Н.А. Мишанкина

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия)
tna@tpu.ru*

Семантико-прагматическая структура метафорического термина рассматривается как базовое свойство, определяющее гносеологический потенциал. Цель статьи – выявление параметров семантико-прагматической организации термина. Метафорическое терминообразование обуславливает формирование прагматического компонента, связанного с телеологической мотивированностью, гносеологическим «комфортом», культурно и лингвистически обусловленной гносеологической традицией, определяющей модели организации семантики.

Ключевые слова: язык науки, семантика, прагматика, метафорический термин, концептуальная метафора, гносеологический потенциал.

DOI: 10.20916/1812-3228-2017-1-123-130

Центральная проблема, вокруг которой сосредоточен наш исследовательский интерес, связана с осмыслением семантической структуры терминологического слова. Традиционная лингвистика, в частности, функциональная стилистика, исключает из языка науки прагматический компонент [Гвишиани 1986; Кожина 1993], определяя такие его особенности как абстрактность (понятийность), логичность, однозначность, нейтральность. Исследования в области научного дискурса [Макаров 2003; Чернявская 2006] показывают, что главная цель научной деятельности – поиск научной истины – определяет установку на объективность, систематичность, методичность и максимально полное и прямое эксплицирование информации в научном тексте, что, по мнению большинства исследователей, делает невозможным включение в научный текст и научный дискурс метафорических выражений. Однако данные целого ряда работ [Ankersmit 1983; 1994; Володина 1998; Дьяченко 2003; Kuhn 1979; Мишанкина 2010; Mishankina, Deeva 2015; Мишанкина, Рахимова 2015; Овсянникова 2010; Панасенко 2015; Резанова 2007; Силантьев 2012] свидетельствуют о том, что наличие метафоры в научном тексте является скорее закономерностью, нежели исключительным случаем. Полагаем, что данная ситуация напрямую связана с прагматическим по-

тенциалом метафорической концептуализации [Гусев 1984; Кулиев 1987; Ortega-y-Gasset 1966]. Г.Г. Кулиев отмечает: «в психоаналитической теории Бальмера метафора интерпретируется в качестве «моста» между миром архетипов личности и сферой теорий (моделей) – метафора «вычерпывает» фундаментальную информацию из глубинных уровней субъективного мира и трансформирует в объективированные формы знания (теорию, модель)» [Кулиев 1987: 131].

Понимание эпистемологических механизмов как прагматических впервые было предложено Ч. Пирсом, согласно которому познание представляет собой процесс опосредования реальности знаками, а необходимость опосредования возникает потому, что познавательная деятельность осуществляется не изолированным субъектом, а сообществом, которое в своих совместных действиях вырабатывает общее представление о мире. Процесс познания в этом случае не индивидуален, истина, в т.ч. научная, представляет собой консенсус, достигнутый в рамках сообщества. Именно этот аспект и формирует научное сообщество как отдельное социальное образование. В этой связи истина является не только семантическим, соответствующим положению дел в объективном мире, но и прагматическим понятием. Данную точку зрения разделяли такие исследователи, как Ю. Хабермас и К.-О. Апель. Последний указывает на взаимодополнительность двух аспектов научного познания: исследование всегда связано с коммуникацией, т.к. выстраивается на основе интерпретации научных сообщений дру-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (РГНФ) научного проекта № 15-04-00302 «Метафорическая концептуализация в формировании терминосистем: гносеологические универсалии русской научной картины мира».

гих исследователей, коммуникация и интерпретация же всегда прагматичны [Тутнер 2009].

Разделяя эту точку зрения, мы полагаем, что в процессах получения и оформления нового знания, исследователь ориентирован на соблюдение двух ключевых принципов: его модель должна максимально соответствовать его видению объекта исследования, и вместе с тем способы представления научного знания должны отвечать требованию гносеологического «комфорта», тесно связанного с понятием «эпистемного доступа» в отношении объекта исследования [Boyd 1993]. Привлечение метафорических моделей в сферу научного познания и, соответственно, научного текста обусловлено тем, что концептуальная метафора как ментальная операция, основанная на аналогии, является одной из наиболее универсальных познавательных моделей, именно она полностью отвечает требованию «гносеологического комфорта». В отечественной науке одной из первых работ в этом направлении стала статья В.В. Петрова, в которой научная метафора рассматривается как неотъемлемый компонент научной деятельности. Наибольшей значимостью она обладает именно в отношении неизвестных объектов, свойства которых могут быть впервые гипотетически представлены лишь на основании уже имеющегося опыта. Поэтому чем шире спектр фоновых знаний, к которым апеллирует ученый, тем шире эпистемный доступ, который может быть оценен по «социально-координированному эпистемному успеху» [Петров 1985: 216]. Условиями введения метафорических единиц в язык науки являются: 1) принадлежность к массиву фоновых знаний значительного числа говорящих, что обеспечивает коммуникативную успешность нового именованного и 2) способность знака адекватно выразить новое знание. Метафорическая концептуализация является с этой точки зрения весьма эффективным механизмом, позволяющим сворачивать значительные объемы информации в известных носителях языковых структурах.

В качестве базовой методологической теории исследования принимается теория концептуальной метафоры [Лакофф, Джонсон 2004], т.к. процесс концептуализации при формировании терминов определяется нами как сложная ментальная операция, задействующая универсальные метафорические модели. Под концептуальной метафорой в работе понимается «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной

традиции данного общества» [Лакофф, Джонсон 2004: 11]. Исследование концептуальных метафор в различных языках и дискурсах стало одной из актуальнейших задач зарубежных и российских лингвистов. Описанию их систем посвящено значительное количество работ. В настоящее время основной акцент в исследовании метафоры делается на функциональном аспекте, ее роли в смыслопорождении. Этот подход получил развитие в теории блендинга [Fauconnier, Turner 2002], эксплицирующей механизм получения новых смыслов, в т.ч. и научных, при образовании и функционировании новой метафорической структуры в тексте [Lakoff, Fauconnier 2009]. В работах российских лингвистов-метафорологов была предложена методика выявления и описания метафорических моделей [Резанова 2007; Резанова, Мишанкина, Катунин 2003; Чудинов 2001]. В рамках этого подхода предполагается, что концептуальная метафора как ментальная, когнитивная модель реализуется в системе метафорических (лингвокогнитивных) моделей, организующих текстовое, или шире – дискурсивное пространство. Система метафорических моделей реализуется в системе лексических текстовых метафор, которые и выступают материалом анализа.

Семантика термина уже давно является объектом исследования ученых лингвистов, при этом можно с уверенностью говорить о трансформации понимания семантической природы термина в целом – от понимания термина как научной понятийной единицы к осознанию его языковой и когнитивной природы. Первые попытки дать определение понятию «термин» в Советском Союзе приходится на 40-е гг. В работе [Винокур 1939] представлена попытка осмысления функциональной специфики термина. В 60-70 гг. осуществляется осмысление понятийной природы термина, так, Л.А. Капаназде предлагает дефиниционный подход к пониманию термина: «термин не называет понятие, как обычное слово, а понятие ему приписывается, как бы прикладывается к нему [Капаназде 1965: 78]. Таким образом, в фокусе первых определений находится, во-первых, указание на *функциональную специфичность* терминологической единицы, во-вторых, ограничение семантики термина понятием, которое он номинирует. Семантика термина в рамках этих определений, в отличие от слов общенационального языка, равна понятию.

Понимание лингвистической природы термина формируется в рамках лексико-семантического подхода к исследованию терминосистем.

Одной из наиболее ранних работ, посвященных этой проблематике, можно считать монографию Т.Л. Канделаки «Семантика и мотивированность терминов» [Канделаки 1977], в которой на материале терминов, относящихся к категории процессов, выявляются универсальные модели организации семантики термина. Таким образом, можно говорить о «лингвистическом повороте» в понимании термина, это направление получило развитие в целом ряде работ, в которых термино-системы рассматриваются как изоморфные лексической системе языка. Исследуя различного рода лексико-семантические отношения в рамках различных терминосистем, все авторы отмечают наличие терминологической полисемии, а также выделяют семантический способ терминообразования как наиболее продуктивный для целого ряда терминосистем, объясняя ее тем, что терминологические системы являются подсистемами общенационального языка, и, соответственно, здесь действуют те же законы. В 90-2000-е гг. выходят работы, посвященные исследованию прагматических компонентов семантики термина [Красильникова 1999; Прохорова 1996]. В монографии В.Н. Прохоровой рассматривается метафорическая терминология и представлена специфичность ее семантической структуры, обусловленной семантической структурой мотивирующей единицы общенационального языка [Прохорова 1996: 17-23]. По мнению исследователя, семантика метафорического термина, кроме денотативного и сигнификативного компонента, содержит и коннотацию (эмоциональную оценку, образность). Кроме того, процесс метафорической деривации для терминологической и общезыковой лексики подобен: а) в качестве дериватов выступают деривационно активные единицы; б) лексико-семантические модели образования значений (перенос по сходству формы, функции, местоположения и т.п.) для терминосистем и языка в целом общие; в) терминологическая метафоризация осуществляется по преимуществу в сфере конкретной лексики, поэтому в технических и естественных дисциплинах метафорические термины наиболее частотны [Прохорова 1996: 121-122].

Однако достижения лексико-семантического подхода не позволили дать ответ на вопрос о том, как структурируются знания, вовлеченные в процесс терминообразования и почему такое значение для терминообразования имеет семантическая деривация. И поэтому 2000-е гг. формируется новое направление – когнитивное терминоведение [Володина 1998; Корнилов 1999; Лей-

чик 2007; Мишанкина 2012; Мишланова 2011; Нечаева 2010; Резанова 2007; Хижняк 2016]. Рассмотрение терминов в русле когнитивного подхода позволяет получить представление о том, как организованы знаниевые структуры в семантике термина. Общим для работ в этом направлении является понимание когнитивной специфики термина, заключающейся в том, что это, с одной стороны, единица профессионального знания, но с другой – его семантика обусловлена когнитивным опытом носителей языка в целом и формируется на основании общих гносеологических моделей. Конечно, когнитивный подход к исследованию семантики термина не случаен, он обусловлен внутренней логикой развития терминоведения, что убедительно доказывает в своей монографии С.П. Хижняк [Хижняк 2016]. Но, тем не менее, именно этот подход позволяет говорить об особом гносеологическом потенциале метафорического терминологии.

В работе М.Н. Володиной [Володина 1998] впервые ставится проблема когнитивно-информационной природы термина. Автор постулирует тезис о синтетичности когнитивной сферы человека, неразрывном единстве всех познавательных процессов и, соответственно, влиянии, которое оказывает национальная картина мира на научное познание. М.Н. Володина отмечает: «Особенности информационно-языкового отражения у разных народов, проявляются прежде всего в том, что в одном объекте нередко выделяются различные признаки терминологической номинации» [Володина 1998: 314]. Конечно, международная научная коммуникация предъявляет требования к унификации терминосистем, но это вторичный процесс преобразования терминосистем. Первичные терминосистемы формируются в рамках национальных языков в соответствии с прагматическими установками, с одной стороны, на восполнение дефицита номинаций в той или иной сфере, с другой – на прозрачность гносеологических структур и эффективность использования ресурсов памяти. Названные установки определяют выработку в сфере конкретного национального языка особых унифицированных терминоэлементов и терминообразующих моделей, свойственных только данному языку и обладающих высокой степенью информативности. Ключевой идеей работы можно назвать мысль о том, что термин, «являясь единицей языкового и профессионально-научного знания, ... становится выразителем процессов, принадлежащих языковому сознанию, когда общезыковая информация

трансформируется в информацию терминологическую» [Володина 1998: 314]. Автор ставит целый ряд значимых для понимания когнитивной природы термина вопросов: 1) о зависимости структурно-смысловой организации термина от его прагматической направленности; 2) о семантической организации термина, обусловленной ассоциативно-образным переосмыслением общезыковой информации, запечатленной в языковом сознании; 3) о национальной специфичности информационно-терминологической сферы конкретного национального языка, обусловленной унифицированными терминообразующими средствами, свойственными данному языку; 4) об эвристической ценности национальных терминов, заключающейся в их эпистемической доступности носителям языка.

Мы разделяем позицию автора в отношении когнитивной природы термина и в связи со всем сказанным выше выдвигаем гипотезу о наличии прагматического компонента в семантике метафорического термина как универсальном свойстве, определяющем его гносеологический потенциал.

Цель настоящей работы состоит в определении параметров, свидетельствующих о наличии прагматического компонента в семантике метафорической терминологической единицы. Представляем результаты собственных наблюдений в рамках метафорической терминологии различных научных дисциплин, частично полученных при реализации совместных с аспирантами исследовательских проектов.

Первым аргументом в пользу выдвигаемой гипотезы, по нашему мнению, является параметр **универсальности понятийных областей**, выступающих основой для метафорической концептуализации в процессах терминообразования. Исследования в области метафорических фрагментов терминосистем, в т.ч. в различных языках [Зубкова 2011; Мишланова 2011; Мишанкина 2012; Никитина 2010 и др.], показывают, что, во-первых, метафорический способ образования терминологических единиц характерен не только для терминосистем русского языка и, во-вторых, можно говорить о некотором перечне понятийных областей, регулярно участвующих в процессах терминообразования в самых разных языках. Это, как правило, следующие области: *пространство, человек, природа, фауна, флора, ландшафт, артефакты (одежда, ткань, пища, архитектура, предметы домашнего обихода), искусство*. Полагаем, что в этом случае можно говорить об интерпретирующей функции языковой картины мира

как универсальном гносеологическом механизме [Болдырев, Дубровская 2015].

Вторым, значимым с нашей точки зрения параметром является **актуальность знаний о фреймовой структуре исходной области**, служащей основанием для метафорической концептуализации при понимании семантики термина. Базовые для концептуализации фреймовые структуры являются хорошо известными для всех носителей языка, что повышает эпистемический доступ к семантике образованных терминов. Это показал анализ русской нефтегазовой терминосистемы, в ходе которого удалось выявить ее генетическое родство с метафорическими моделями, функционирующими в русском общенациональном языке. Анализ фреймовых структур, послуживших основой для метафорической концептуализации, выявил, что в сферу терминотворчества вовлекаются представления об объектах, «имеющих длительное бытование в культуре и, в некоторых случаях, даже архаичных» [Деева 2015: 19]. Что свидетельствует о том, что метафорический фрагмент нефтегазовой терминологической системы находится под влиянием общезыковой наивной картины мира. Например, терминологическое значение единицы «вилка ведущая» зафиксировано в словарях нефтегазовой терминологии: «буровой инструмент, предназначенный для передачи крутящего момента от водила трубоворота к свинчиваемым или развинчиваемым свечам». Исходное значение лексемы – «столовый прибор, представляющий собой ручку с несколькими длинными зубьями для захвата кусков пищи». Метафорический термин «вилка» репрезентирует фрейм «вилка» и класс объектов «кухонная утварь». Анализ контекстов Национального корпуса русского языка показал распространенность этой фреймовой структуры в качестве основы для метафорической концептуализации: *Вилка холодильника должна входить в гнездо розетки плотно без качания* [Инструкция к холодильнику (1980) [Деева 2015: 13].

О том, что исходные фреймовые структуры метафорических терминов, как правило, хорошо знакомы носителям языка, свидетельствуют результаты экспериментальных исследований. Носители языка достаточно легко дефинируют ранее неизвестные им метафорические термины, эксплицируя знания фреймовых структур. В работе О.В. Галкиной, например, представлены результаты эксперимента, в ходе которого выявлялись особенности идентификации метафорических именованных понятий интерфейса начинающими

пользователями. Результаты эксперимента показали, что «80 % всех дефиниций были даны с опорой на первичное значение, т.е. они выстраивали представление о новом понятии на основании известного им из опыта общения» [Галкина 2004: 15]. При этом тексты интерпретаций содержат единицы, входящие в определенный фрейм понятийной области-источника. Например, в определении того, что такое «вирус», информанты давали следующие ответы: «**цепкий**», *быстро распространяющийся*; *можно подцепить, работая в Интернете*; *болезнь машины*; *программа-паразит*; *заразный*; *что-то плохое*; *что-то страшное*» [Галкина 2004: 16].

Фреймовая организация семантики оказывается актуальной и в аспекте структурирования фрагментов терминосистем. Например, в работе А.Г. Ходаковой [Ходакова 2010] представлена когнитивная структура терминосистемы англоязычных терминов интернета, моделируемая как целостный фрейм, иерархический организованный из системы субфреймов и их многочисленных слотов. Значения отдельных терминов формируются в соотношении с подмоделями и на основе метафорического или метонимического переноса.

Исследование метафорической терминологии в научном психологическом дискурсе показывает, что для моделирования представления об устройстве психики человека привлекаются фреймовые структуры знаний об организации пространства. Психика человека рассматривается как система пространственных областей. *Сознание* представлено как визуально воспринимаемое, иерархически организованное пространство, включающее несколько уровней, верхний из которых (и здесь мы можем говорить о базовом архетипе «верх-низ») представляет собой наиболее эффективное в аспекте рефлексии состояние – *надсознание*. Нижний уровень – *подсознание* – зона ослабленной рефлексивности. Собственно сознание метафорически моделируется в виде локальной зоны – открытого горизонтального пространства, имеющего границы. Особенности, характеризующие различные состояния психики человека и отличающие одно состояние от другого, метафорически обозначаются в виде пространственной границы: *за пределами его сознания*; *на пороге сознания*. Область сознания граничит с областью *бессознательного*, которое связано с отсутствием рефлексии и поэтому моделируется на основе представлений о слабо воспринимаемом визуально и слабо структурированном пространстве. При этом состояние субъекта, понимае-

мое как естественное, нормальное, – это «*быть/находится в сознании*». Различную природу этих пространств маркируют концептуальные метафоры на основе глаголов движения. В область бессознательного нельзя переместиться осознанно, целенаправленно: можно «*оказаться*», «*впасть*» и «*находиться (находить себя)*» в нем. В сознание, в отличие от бессознательного, можно «*прийти*», «*вернуться*», но нельзя «*уйти*» [Мишанкина, Рахимова 2015: 59-60]. Таким образом, фреймы пространственных представлений лежат в основе моделирования такого сложнейшего феномена, как психическая деятельность человека.

Обращение к хорошо известным понятиям областям и отдельным структурам свидетельствует об ориентированности при создании термина и целостной терминосистемы на гносеологический «комфорт»: получение нового знания основывается на уже известных гносеологических структурах.

Однако в случае, когда имеющаяся исходная структура метафорической концептуализации не совсем адекватна представлениям автора-исследователя об объекте исследования, она подвергается трансформации. Например, вовлеченные в эпистемологическое моделирование метафорические универсалии – самые частотные метафорические модели, получившие широкое распространение практически во всех научных областях, регулярно используемые именно в гносеологической функции могут подвергаться модификации и **формировать смешанные фреймовые структуры**, образуя новый бленд [Faucconnier, Turner 2002]. Если обратиться к исследованию текстовых проявлений таких модификаций в научных статьях, представляющих информацию по анатомии и физиологии головного мозга, то можно наблюдать следующие трансформации: переосмыслению могут подвергаться представления о структуре живого существа: растения, животного или человека. Например, анализ реализации одной из универсальных моделей «*нечто – это растение*» показывает, что она легко трансформируется: *...с появлением коры полушарий нисходящие от нее волокна составили базальную часть ножки мозга*. В данном случае задействовано представление о внутренней структуре надземной части, о наличии внешнего слоя – коры. Метафорический термин «*кора головного мозга*» обозначает (аналогично коре растения) внешний поверхностный слой названного органа, в то же время отличается новыми параметрами, отсутствующими

у исходного объекта. А именно, формирует отдельную часть в структуре головного мозга – **базальную часть ножки**. При этом следует отметить, что термин **ножка** образуется на основе совершенно иной метафорической модели – анималистической, репрезентирующей знания об устройстве живого существа. Аналогичным образом в контексте *Сильвиев водопровод соединяет III и IV желудочки* представлен синтез моделей, сочетание которых невозможно ни в одном живом существе: часть тела живого существа (*желудочек*) и механическое устройство для подачи воды (*водопровод*). Метафорическому переосмыслению подвергаются представления о видах естественного ландшафта: *Нижние холмики четверохолмия ...соединяются ручками с медиальными коленчатými телами*, где ландшафтный объект становится антропоморфным [Мишанкина 2014: 19-20].

Таким образом, мы можем говорить о таком свойстве метафорического терминообразования как телеологическая мотивированность – обусловленность семантической структуры термина целями адекватного представления объекта исследования, в результате чего образуются «бриколажные» структуры [Леви-Стросс 1985: 126]: семантическая модель, иногда сложно структурированная и причудливо объединяющая несовместимые в реальном мире понятия, формирует новую структуру знания на основе хорошо известных деталей

Еще один параметр, свидетельствующий о прагматической ориентированности семантики термина – это вовлечение в процессы метафорической концептуализации в различных языках разных понятийных областей и фреймовых структур, что приводит к **асимметричности национальных терминосистем**. Выявленная в ходе исследования асимметричность метафорического фрагмента нефтегазовой терминосистемы русского и английского языков реализуется в количественном и качественном аспектах. Качественная асимметрия проявляется, прежде всего, в вовлечении в процессы метафорической концептуализации фреймовых структур, относящихся к одной или разным концептуальным областям. Качественная асимметрия раскрывается в двух основных типах соотношений метафорических терминов: 1) «метафора – прямая номинация»; 2) «метафора – метафора». Анализ показывает, что асимметрия первого типа наблюдается в 36 случаях из 187. Например, *шаг зубьев (в венце шарошки) – spacing*. Асимметрия второго типа наблюдается в случае соответствия метафорических терминов, но при условии, что метафорические термины обра-

зованы по разным концептуальным моделям: *коленце -dogleg (собачья лапа)*, *амбар -swamp (болото)*; *фонтанная арматура -Christmas tree (рождественское дерево)*. Примерно 50 % сопоставляемых терминов реализуют этот тип асимметрии [Мишанкина, Deeva 2015: 296-299]. Полагаем, что метафорические фрагменты терминосистем разных языков свидетельствуют о различии способов организации семантики терминологических единиц, а это, в свою очередь, ставит под сомнение последовательное соблюдение критерия объективности при моделировании семантики термина и позволяет говорить о прагматическом компоненте.

В целом приведенные выше данные позволяют говорить о том, что прагматический компонент семантики термина обусловлен следующими факторами:

- требованием гносеологического «комфорта», включающим упрощение эпистемического доступа и минимизацию мнемонических усилий и получающим последовательную реализацию в выборе универсальных, хорошо знакомых носителям языка понятийных областей и общезыковых гносеологических моделей;

- телеологической мотивированностью в терминообразовании – целью создания термина и авторским видением организации его семантики, что реализуется в авторской трансформации универсальных фреймовых структур;

- культурно обусловленной гносеологической традицией, определяющей типовые модели организации семантики в процессах эпистемологического семиозиса при образовании терминосистем.

Метафорическая концептуализация как способ образования термина формирует его семантико-прагматический потенциал и увеличивает степень гносеологического «комфорта», но при условии знания исходной гносеологической модели, именно поэтому заимствованные терминологические единицы в научно-образовательном дискурсе, как правило, «переводятся», и при этом происходит актуализация внутренней формы термина.

Список литературы:

Болдырев Н.Н., Дубровская О.Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3. С. 14-25.

Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ. 1939. Т. 5. С. 3-54.

Володина М.В. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998.

Галкина О.В. Метафора как инструмент познания. На материале терминов-метафор компьютерного интерфейса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004.

Гвишиани Н.Б. Язык научного общения (вопросы методологии). М.: Высшая школа, 1986.

Гусев С.С. Наука и метафора. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984.

Деева А.И. Национальная специфика метафорического моделирования технических терминологических систем (на материале русской нефтегазовой терминологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015.

Дьяченко А.П. Метафоры и терминологически устойчивые выражения в медицине: словарь-справочник. Минск: Новое знание, 2003.

Зубкова О.С. Лингвосомиотика профессиональной метафоры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Курск, 2011.

Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977.

Капанадзе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1993.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: Изд-во МГУ, 1999.

Красильникова Л.В. Жанр научной рецензии: семантика и прагматика. М.: Диалог-МГУ, 1999.

Кулиев Г.Г. Метафора и научное познание. Баку: Элм, 1987.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985.

Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2010.

Мишанкина Н.А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4 (20). С. 32-45.

Мишанкина Н.А. Гносеологические универсалии русской научной картины мира: трансформация метафорической модели // «Я предана словам, их сочетаньям в переливах речи...»: Пробле-

мы интерпретационной лингвистики: межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 16-26.

Мишанкина Н.А., Рахимова А.Р. Метафорическое моделирование структуры психики человека в научном психологическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3 (35). С. 57-72.

Мишланова С.Л. Когнитивно-дискурсивный анализ рецепции специального знания // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2011. № 1. С. 96-102.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Нечаева Н.А. Информационно-понятийная структура терминологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1. С. 112-115.

Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Овсянникова В.В. Метафорические модели в научном геологическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск. 2010.

Панасенко Е.А. Метафорическое моделирование «технологии»: доминирующие модели (на материале информационных, био- и нанотехнологий) // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 299-303.

Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск: Наука, 1985. С. 196-200.

Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М.: МГУ, филологический факультет, 1996.

Резанова З.И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 18-29.

Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Воронеж, 2003. Ч. 1.

Силантьев И.В. Семантика метафоры в языке науки // Критика и семиотика. 2012. № 2 (17). С. 200-212.

Тутнер Г.Б. Прагматика // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2009.

Хижняк С.П. Когнитивная проблематика в общей теории термина. Саратов: ИЦ «Наука», 2016.

Ходакова А.Г. Системная семантика термина: дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2010.

Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. М.: КомКнига, 2006.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

Ankersmit F. History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor. University of California Press, 1994.

Ankersmit F. Narrative Logic: A Semantic Analysis of the Historian Language. The Hague, 1983.

Boyd R. Metaphor and Theory Change: What is "Metaphor" a Metaphor for? // Metaphor and Thought. Cambridge: University Press, 1993. P. 481-533.

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. N.Y.: Basic Books, 2002.

Kuhn T.S. Metaphor in science. In A. Ortony (ed.), Metaphor and Thought. Cambridge University Press, 1979. P. 409-419.

Lakoff G., Fauconnier G. On Metaphor and Blending // Cognitive Semiotics. V. 5. No. 1-2. Mouton de Gruyter, 2009. P. 393-399.

Mishankina N.A., Deeva A.I. Lingvocognitive Specificity of Metaphorical Modeling in Russian Oil and Gas Terminology // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. V. 215. P. 293-300.

Ortega-y-Gasset J. Las dos grandes metáforas. In: Ortega-y-Gasset J. Obras Completas. Tomo II, Madrid, 1966. P. 387-400.

SEMANTIC-PRAGMATIC POTENTIAL OF TERM IN THE EPISTEMOLOGICAL DIMENSION

N.A. Mishankina

Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia)

mna@tpu.ru

The article discusses the semantic-pragmatic structure of the metaphorical term. It is regarded as a basic property that defines the epistemological potential. The purpose of the article is to identify the parameters of the metaphorical term semantic and pragmatic organization.

The methodology of the research is based on Lakoff and Johnson's theory of conceptual metaphor where the metaphor is a cognitive activity associated with analogy processes. Analysis of metaphorical terminology of different scientific fields has shown that metaphorical term formation causes the formation of a pragmatic component. That is evidenced by such semantic parameters as the focus on epistemological "comfort" - relying on well-known structures of knowledge; teleological motivation – the author's concept of the research subject; culturally and linguistically-based epistemological tradition that defines the standard models of semantics organization in the processes of epistemological semiosis in terminological systems formation.

The results of the research can be used in applied research of term systems, terminological thesaurus modeling, including bilingual thesauruses.

Key word: *language of science, semantics, pragmatics, metaphorical term, conceptual metaphor, epistemological potential.*

Acknowledgments: The research is financially supported by the the Russian Foundation for Basic Research (Russian Foundation for Humanities), project No. 15-04-00302 "Metaphorical conceptualization in the process of terminological system formation: epistemological universals of the Russian scientific worldview".

For citation: Mishankina, N. A. (2017). Semantic-pragmatic potential of term in the epistemological dimension. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki, 1*, 123-130. (In Russ.).

Для цитирования: *Мишанкина Н.А.* Семантико-прагматический потенциал термина в гносеологическом аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 1. С. 123-130.